

2. Zakharchuk, V. (2006), *Pechat Kaina: arkhetyv bratovbyvstva v ukrainskij literaturi* [The sign of Cain: archetype of fratricide in Ukrainian literature], Piramida, Lviv, Ukraine.
3. Soroka, P. (2012), "Voice of indestructible light", available at : <http://litukraina.kiev.ua/golos-neznischnennogo-sv-tla> (access September 15, 2016).
4. Gavrilenko, G. (2013), "Actualization of fratricide motif in the novel by Nadiya Gumenyuk "Angel in gray", Slova v move, mavlenni, tekstse : zbornik navukovykh artykulav, pp. 176–179.

УДК 398.21:821.161.1-311.6Мор7Саг.091

ДУМЫ О МОРЕ КАК ИНТЕРТЕКСТ РОМАНА Д. МОРДОВЦЕВА «САГАЙДАЧНЫЙ»

Гринь Ю.В.

*Запорожский государственный медицинский университет
ул. Маяковского, 26, г. Запорожье, Украина*

yuliya_grin@bk.ru

Статья посвящена анализу думового интертекста романа Д. Мордовцева «Сагайдачный», который представлен референцией думы «Буря на море», а также реминисценцией и цитированием думы «Олексій Попович». В статье сопоставляется текст романа с текстами известных вариантов дум, анализируется трансформация и творческое переосмысление думового сюжета в произведении.

Ключевые слова: дума, интертекст, референция, реминисценция, цитирование

ДУМИ ПРО МОРЕ ЯК ІНТЕРТЕКСТ РОМАНУ Д. МОРДОВЦЕВА «САГАЙДАЧНИЙ»

Гринь Ю.В.

*Запорізький державний медичний університет
вул. Маяковського, 26, м. Запоріжжя, Україна*

Стаття присвячена аналізу думового інтертексту роману Д. Мордовцева «Сагайдачний», що представлений референцією думи «Буря на морі», а також ремінісценцією та цитуванням думи «Олексій Попович». У статті зіставляється текст роману з текстами відомих варіантів дум, аналізується трансформація та творче переосмислення думового сюжету у творі.

Ключові слова: дума, інтертекст, референція, ремінісценція, цитування

DUMAS ABOUT THE SEA AS INTERTEXT IN D. MORDOVTSEV'S NOVEL "SAGAYDACHNY"

Grin' Ju.V.

*Zaporozhye State Medical University
Mayakovsky avenue 26, Zaporozhye, Ukraine*

Duma intertext of an episode from D. Mordovtsev's novel "Sagaydachny" is examined in the article. The episode is about the gale that catches cossacks during their campaign. This episode is represented in two dumas – "Storm at the sea" and "Oleksij Popovich".

While analyzing duma intertext of a novel we referred to the two-volume collection "Ukrainian folk dumas" written by E. Grushevskaya as it is the fullest and the most authoritative edition, which contains lots of variants of dumas.

In the novel the author refers to the duma "Storm at the sea" which prepares readers to the forthcoming storm, the description of which is the reminiscence of duma "Oleksij Popovich". The citation is present as well, because protagonists of the novel say the words of protagonists of the duma.

The reminiscence of the duma "Oleksij Popovich" also becomes the base of the episode and the mean of evaluation of the protagonist and the time. The author puts into the mouths of characters almost verbatim quotes from the duma and only from time to time adds elements not represented in any known variant. To this elements belong:

Hetman image. Reconstructing the episode of the gale Mordovtsev describes Sagaydachnij as the hetman, while in folk tales “Gritsko Kolomienko”, “Kolomyjchenko”, “Gritsko Poluusenko”, “Zborovsky Grigory” and others can personate the hetman. Mordovtsev, in his turn, saving main plot devices, intricately interprets prototypes of protagonists and put their words into Sagaydachny’s mouth.

Time setting. Actions in the novel take place in a daytime, but in the duma the storm begins at night, early in the morning or it isn’t said at all.

Many Cossacks are ready to repent their sins for saving the troops, while in duma only Oleksij Popovich confesses his sinfulness.

Sagaydachny’s attitude to events. Sagaydachny doesn’t believe that the confession of Cossacks and a sacrifice to the sea will save everyone from death. He thinks its narrow-mindedness, while Cossacks consider this to be a moral norm.

Oleksij reads Holy Write after the storm. Duma always ends with doxology and the statement that it is necessary to honor parents. Thuswise in both literary works we see moralistic component. However Mordovtsev renews the image of Popovich: as he always reads Holy Writ to cossacs, so after the salvation he has to refer to this book.

We can assume that Mordovtsev willfully deviates from the texts of dumas in order to make events more realistic.

On the contrast with this episode, the episode of the execution of Popovich on cossacks’ return to the Sich is described. Committing similar sins after living his native Pyriatyn and at the Sich, the last ones turn out to be more serious and they lead to death penalty.

Key words: duma, intertext, reference, reminiscence, quotation

Даниил Лукич Мордовцев – писатель-беллетрист 2 пол. XIX века, вошедший в историю сразу двух литератур – русской и украинской, однако в последней он известен под фамилией «Мордовець». Писатель пользовался большой популярностью у читателей-современников, однако после смерти оказался забыт. Критики нечасто обращались к его творчеству, считая его произведения «бульварными» и относя их к литературе «второго сорта» [1, с. 503]. И. Франко высоко оценивал его украиноязычные произведения и намного ниже – романы и повести, созданные на русском языке [2, с. 183-184]. «Искру широкого почування та безпосереднього ліризму» в творчестве Мордовцева отмечает и С. А. Ефремов [3, с. 322], вместе с тем, считая, что автор ничего не смыслит в истории.

Безусловно, были и положительные оценки, среди которых можно отметить отзыв И. И. Замотина, охарактеризовавшего Мордовцева как «видного представителя исторического романа 60-70-х гг.», произведения которого написаны «живо, нередко художественно» [4, с. 142-143]. П. В. Быков отмечает, что «его произведения не только интересны в смысле фабулы, художественной обработки, верной обрисовки событий, лиц, характеров, но и в том отношении, что они наводят на размышления, дают обильную пищу уму, будят общественное самосознание, преданность родной стране» [5].

Одна из первых попыток комплексного исследования творчества Мордовцева и критических отзывов о нём была предпринята В. С. Момотом [6; 7]. Однако в поле зрения исследователя попали лишь отдельные, наиболее известные произведения.

В последующие годы в связи со всплеском читательского и научного интереса к произведениям исторической тематики начинают издаваться отдельные романы и повести Д. Мордовцева, в качестве предисловия печатаются обзорные статьи о творчестве писателя и/или анализ его произведений [8; 9; 10; 11]. Биография, характеристика творчества и общественных взглядов автора представлены в энциклопедических статьях [12; 13].

Начиная с 90-х годов, в Украине и в России было защищено несколько диссертаций, в которых рассматриваются как отдельные произведения автора [14; 15], так и группы романов [16], анализируется его творчество в контексте русской и украинской литератур 2 пол. XIX века [17; 18; 19].

Несмотря на активизацию научного интереса к творчеству Мордовцева, многие произведения писателя ещё остаются вне исследовательского внимания; в частности, не разработан вопрос о характере и целях обращения автора к произведениям русского и украинского фольклора.

Актуальность статьи обусловлена возросшим интересом к исторической прозе и интертекстуальному анализу литературных произведений, необходимостью более полного исследования творчества Д.Л. Мордовцева, формирования нового подхода к вопросу о специфике индивидуального авторского фольклоризма, исследования форм и способов введения фольклорных произведений в авторские художественные тексты, расширения знаний о многообразии форм связи литературы с фольклором, определения функций фольклорных текстов в системе литературного произведения.

Романы и повести Д. Мордовцева посвящены разным эпохам и периодам в мировой истории. Однако наибольший интерес для него и как для историка, и как для писателя представляла история взаимоотношений России и Украины, которой посвящено множество романов, самые известные – это «Великий раскол», «Тень Ирода. Идеалисты и реалисты», «Царь и гетман», «Державный плотник», «Сагайдачный» и др. Создавая эти романы, Мордовцев обращался к произведениям русского и украинского фольклора для воссоздания и оценки описываемых исторических событий, передачи чувств и переживаний отдельных персонажей. Наиболее частотно обращение к историческим жанрам фольклора (думы, исторические песни, легенды), которые, кроме оценок событий и героев, становятся источниками сюжетных линий и образов.

В романе «Сагайдачный» (1882) Мордовцев описывает несколько эпизодов из жизни гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного: от его детства и молодости до самой смерти. В центре повествования – один из ключевых и наиболее успешных походов казаков в Крым под предводительством Сагайдачного, в ходе которого были разгромлены крупнейшие города – Кафа (Феодосия), Синоп, Трапезонт, и освобождены сотни невольников, захвачены в море несколько турецких галер. Обращение к фольклору при описании этого важнейшего исторического события позволяет обратить внимание на роль обычных казаков, их настроения, отношение к происходящему и к главному герою. Автор активно обращается к текстам, сюжетам и образам украинских дум. Следует отметить, что в анализируемом романе фольклорный интертекст не ограничивается только этим жанром устного народного творчества, однако отсылки к думам носят фундаментальный и сюжетообразующий характер. Именно поэтому анализ дум как интертекста романа стал объектом данной статьи.

В анализируемом романе интертекстуальные связи представлены цитатой и референцией, которые Н. Пьеге-Гро [20] относит к эксплицитным связям. Однако, в отличие от цитаты, ссылка-референция не выражена текстуально. При этом автор может называть произведение, на которое ссылается, основных героев и обстоятельства.

Следует отметить условность цитаты, когда в качестве текста-предшественника выступает фольклорное произведение. Учитывая вариативность, как одну из характеристик фольклора, и отсутствие единого канонического текста, автор может цитировать известный ему вариант (который не зафиксирован в сборниках) или же компилировать элементы нескольких вариантов одного фольклорного произведения.

Считаем целесообразным в контексте данной статьи говорить о реминисценции – «буквальном или близком к буквальному воспроизведении какого-либо фрагмента одного текста в другом» [21].

В ходе анализа думного интертекста романа мы обращались к двухтомному сборнику «Українські народні думи» Е.М. Грушевской [22; 23] как к одному из наиболее полных и авторитетных изданиях, в котором собраны многие известные науке варианты дум.

В романе прослеживаются отсылки к 9 думам (по классификации Е. Грушевской). Как отмечает исследователь творчества Мордовцева В. Беляев, «писатель широко использует народнопоэтические источники не только для воссоздания исторического и локального колорита, атмосферы народного деяния <...>, этот материал привлекается ещё и потому, что собственно историческая, фактическая основа была недостаточно разработана, эпоха в целом освещена тогдашней исторической наукой явно неполно» [8, с. 26]. В романе появляется ряд героев, имена которых заимствованы из дум – это Олексій Попович, Самийло Кишка, Фёдор Безридний, Настя Горовая и Фесько Ганджа Андыбер, в образе которого Мордовцев изображает молодого Сагайдачного. Все ситуации, в которых оказываются эти герои, – реминисценции соответствующих дум.

Наиболее полно и многосторонне думовый интертекст проявился в совершенно фольклорной и в то же время характерной для казачьих походов ситуации бури на море. Этот сюжет воплощён в думах «Буря на морі» и «Олексій Попович» (Грушевская их относит к разным произведениям). Вместе с тем, по мнению Н.И. Костомарова, дума о буре на море является основной и более ранней редакцией, из которой уже как варианты вышли тексты, связанные с именем Олексія Поповича [24, с. 695]. Исходя из логики развития событий в романе, можно предположить, что такой точки зрения придерживался и сам Мордовцев, который был хорошо знаком с Костомаровым, и, вероятно, слышал эту думу от него. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что воссозданный в романе сюжет очень близок к варианту думы, опубликованному Костомаровым в работе «Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества» [24, с. 694-697]. В сборнике Грушевской этот вариант представлен фрагментарно [22, с. 65], вероятно, по причине некорректной записи Костомаровым думы и контаминации с другими вариантами.

Мордовцев же в романе как бы воссоздаёт историю развития думы, когда герой более раннего произведения, известного персонажам, получает имя Олексія Поповича, а фрагменты из «костомаровской» думы практически дословно используются в качестве реплик персонажей.

Отсылка к думе «Буря на морі» является референцией: при отсутствии текста думы в романе автор называет произведение, на которое ссылается (дума), основных героев («два брата-казака» и «чужий чуженьця») и обстоятельства (буря на Чёрном море). Она подготавливает читателя к предстоящей буре, описание которой представляет собой реминисценцию думы «Олексій Попович». Кроме того, имеет место и цитирование, так как герои романа говорят словами героев думы.

Можно выделить несколько ключевых моментов думы, которые Мордовцев отображает в романе, порой изменяя или своеобразно интерпретируя в соответствии с сюжетом романа.

Образы главных героев. В различных вариантах думы Олексій Попович имеет разный социальный статус. Так, чаще всего его называют «писарь войсковой, козак лейстровый» или «козак войсковой, писарь лейстровый», однако в некоторых он назван «гетманом», «отаманом», и лишь один раз – просто «козак». В романе же Попович – «войсковой грамотей, «письменник», отчаянный «пройдисвіт» из киевских бурсаков» [26, с. 102]. Вместе с тем, несмотря на такие характеристики, как «войсковой грамотей» и «письменник», Попович в романе не писарь (эту должность занимает Стецько Мазепа), он обычный, хотя и опытный, побывавший в турецком плене казак.

Сагайдачного Мордовцев вводит в фольклоризованный мир нескольких дум. Так, реминисценция думы «Хвесько Андйбер» становится основой описания эпизода из молодости Сагайдачного. Воссоздавая эпизод бури на море, Мордовцев, в отличие от думы, где гетманом / отаманом / казацким старшиной могут выступать «Грицько Коломйенко» [22, с. 62], «Коломйиченко» [22, с. 64, 72], «Грицько Полуусенко» [22, с. 67], «Зборовскй Григорй» [22, с. 69], «Грицько Коломйиченко» [24, с. 695] и др. изображает Сагайдачного. Интересно, что в науке нет единого мнения, какие исторические личности могли бы послужить прототипами этих персонажей [22, с. 133-135; 25, с. 114]. Мордовцев же, сохраняя в романе основные сюжетные ходы дум, своеобразно интерпретирует образы главных героев, приписывая их слова и поступки Сагайдачному.

Описание бури. Описывая бурю, заставшую казаков в походе, Мордовцев обращается к реминисценции думового сюжета об Алексие Поповиче. Важно отметить, что автор, воссоздавая в романе события думы, постоянно цитирует отрывки разных вариантов произведения, вкладывая в уста своих героев высказывания их фольклорных прототипов.

Действие в романе происходит днём («А как печет солнце!..<...> И на море пала от него бесконечная полоса, которая искрится и дрожит на этой страшной, словно дышащей воде и которой тоже нет ни конца, ни краю...» [26, с. 113]). В думе же буря начинается ночью («На светлом небе все звёзды помрачило, Половина месяца в тьму вступила...» [22, с. 62]); рано утром («рано пораненько» [22, с. 71]); или же время действия вообще не уточняется. Таким образом, большинство из вариантов думы, представленных в сборнике Е. Грушевской, сохраняют мифологическое представление о переходном времени суток, когда и могут происходить необычные явления. В романе же Мордовцев, наоборот, создаёт контраст между солнечной погодой и неожиданно начавшейся бурей.

Предвестник бури и практически во всех известных вариантах думы, и в романе – сокол, который, согласно украинским поверьям, способен вызывать непогоду. Вместе с тем, предвестники бури в романе – дельфины, которые получают негативные характеристики («чёрные чудовища», «показывали из воды свои отвратительные головы» [26, с. 114]), а старый казак Карпо Колокузни называет их «морскими конями». Следует отметить, что ни украинской, ни русской традиционной культуре неизвестен образ дельфина, а потому можно говорить о расширении думовой поэтики.

Призыв гетмана к покаянию. С началом бури в думе гетман / отаман / казацкий старшина обращается к казакам с призывом признаться в своих грехах и принести себя в жертву морю, дабы спасти остальных. В романе же многие казаки ещё до обращения Сагайдачного сами выражают желание исповедаться, а Попович сразу признаётся в своей грешности и готов пожертвовать собой [26, с. 116]. Это коррелирует с предыдущей референцией думы «Буря на морі»: казакам известно, что раскаяние в грехах приводит к спасению. Кроме того, это естественная реакция на смертельную опасность.

Сам же Сагайдачный не верит в то, что исповедь казаков и жертва морю спасёт всех от гибели, для него это – предрассудки, однако для обычных казаков – это моральная норма, истинность которой подчёркивают дальнейшие события.

И хотя гетман уже видит приближение окончания бури, он, хорошо зная казаков и видя необходимость поддержать их боевой дух, «решился действовать сообразно указаниям думы» [26, с. 117] и обратился к казакам с призывом покаяться в своих грехах. Слова Сагайдачного («Может, кто меж вами великий грех за собою имеет, что злая хуртовина на нас налегает, судна наши потопляет... Исповедайтесь, панове, милосердному богу, Черному морю, и всему войску днепровскому, и мне, отаману кошевому! Пускай тот, кто наиболее грехов за собою знает, в Черном море один потопает, войска козацкого не загубляет!» [26, с. 117]) практически идентичны словам гетмана из думы («Може ктось

межъ вами великій грѣхъ мае, Що ея гуртовина на насъ налягае, Судно наше потопляе: Сповѣдайтесь, панове, милосердому Богу, Чорному Морю и всему войску Днѣпровому, И менѣ отаману кошовому! Нехай той, кто найбільше грѣховъ мае, Въ Чорнѣмъ Морѣ одинъ потопяе, Войска козацького не загубляе» [24, с. 696]).

Признание Поповича и успокоение бури. В отличие от думы, где в грешности признаётся лишь Олексий Попович, в романе покаяться в своих грехах готовы многие. Таким образом, автор показывает сплочённость войска и готовность казаков жертвовать собой ради спасения остальных. Вместе с тем, такое массовое стремление к покаянию связано с грозящей смертью и представлениями о Суде Божьем. Как и в думе, в романе войско удивлено признанием Поповича, ведь он читает святое письмо и наставляет их всех. Рассказывая о своих грехах, за которые его «карает» море («Как я из города Пирятина, брате, выезжал, опрощения с отцом и с матерью не брал, и на своего старшего брата великий грех покладал, и близких соседей хлеба-соли безвинно лишал, детей малых, вдов старых стременем в груди толкал, против церкви, дому божьего, проезжал, шапки с себя не снимал. За то, панове, великий грех за собою знаю и теперь погибаю» [26, с. 118]), «романный» Попович дословно повторяет своего прототипа из думы («Якъ я зъ города Пирятина, панове, выѣзжавъ, Опрощенья съ панотцемъ и съ паниматкою не бравъ, И на свого старшого брата великій грѣхъ покладавъ, И близькихъ сусѣдѣвъ хѣба-соли безневинно збавлявъ, Дѣти малыи, вдовы старыи стременемъ въ груди топтавъ, Безпечно по улицѣ конемъ гулявъ, Противъ церкви, дому Божого, проѣзжавъ, шапки съ себе не здыймавъ, За те, панове, великій грѣхъ маю, Теперь погибаю!» [24, с. 696]).

После раскаяния Поповича Сагайдачный, видя, что буря уже почти успокоилась, решаете довести до конца действо, которое он сам считает «комедийным». Но, поступая «сообразно народному предрассудку» [26, с. 118], он призывает казаков отрубить Поповичу мизинец, «бросить в пасть разъяренного моря несколько капель человеческой крови», что восходит к дохристианской традиции принесения жертвы морю. Следует отметить, что этот эпизод сохраняется лишь в некоторых вариантах думы, которые, по мнению Е. Грушевской, относятся к более архаичной редакции [22, с. 55].

После успокоения бури казаки просят Олексия Поповича почитать им «святого письма», и он читает послание апостола Павла к Тимофею – о почитании старших [26, с. 119]. Дума же всегда заканчивается «славословием» и утверждением мысли о необходимости почитать родителей [24, с. 697]. Таким образом, в обоих произведениях проявляется морализаторский компонент. Однако Мордовцев «оживляет» образ Поповича: раз он всегда читает казакам святое письмо, то и после удачного спасения должен обратиться к этой книге.

В отличие от думы, которая имеет завершённый характер, данный эпизод романа остаётся открытым и далее получает развитие в виде параллельной ситуации, которая, однако, имеет противоположный финал.

Мордовцев развивает образ Олексия Поповича, который становится главным героем ещё нескольких эпизодов романа. Олексий – один из наиболее заметных участников погрома Кафы, в ходе которого он спасает маленькую татарочку и трепетно заботится о ней на протяжении всего морского похода.

Однако по возвращению на Сечь Олексий напивается и жёстко критикует установленные порядки. Поводом для критики послужили шуточные угрозы казаков изгнать с Сечи татарочку («она – женщина, дивчина, а женщины, по запорожскому обычному закону, так же не допускались на Сечь, как и в алтарь» [26, с. 210]), а вместе с ней – и Олексия. Попович же, в свою очередь, «начал ругать казаков, запорожские обычаи и всю старшину;

говорил, что сам уйдет из этого проклятого гнезда и передастся «москалям», да в отместку казакам наведет на них «москалей» и ляхов» [26, с. 210]. На попытки казаков усмирить товарища и призвать Сагайдачного Попович обозвал гетмана «старой собакой», «вышиб из его рук булаву и, сбив с головы его шапку, стал таскать старика за чуб...» [26, с. 211]. Таким образом, он, по сути, повторно совершает те же грехи, что описаны в думе – проявляет неуважение к отцу-гетману и отказывается ему подчиниться, выступает против общности и попирает установленные порядки.

Однако если буря на море успокаивается и все спасаются после покаяния Поповича, то в этом случае уже раскаяния недостаточно, и войско приговаривает Олексия к смертной казни – «скарать горлом – забить киями до смерті» [26, с. 211]. Тем самым Мордовцев показывает важность казацких законов и порядков, установленных на Сечи, и их непреложность для всех представителей общины. Если связь между бурей на море и греховностью кого-то из казаков ставится под сомнение самим Сагайдачным, то серьезность преступления Поповича на Сечи понятна всем казакам.

Показательна и сцена казни Поповича. Казаки его жалеют и сочувствуют ему, однако никто не сомневается в правильности приговора, да и сам Олексий не пытается его оспорить, а добровольно идет на казнь, осознавая тяжесть содеянного. Казнят его всей Сечью: каждый казак наносит удар кием со словами «Прощай, брате Олексичку! Не я бью – войско Запорожское бьет!» [26, с. 211], «Прости, душа казацкая! Прости, братику!» [26, с. 211] и др., что демонстрирует превосходство общинных законов над семейными ценностями и личной моралью.

Таким образом, Даниил Мордовцев в романе «Сагайдачный», описывая эпизод бури на море и спасения казаков, обращается к фольклорному интертексту, а именно – думам: «Буря на морі» и «Олексий Попович».

Разные по своему содержанию думы по-разному вводятся в текст романа. Так, референция к думе «Буря на морі» – лиш предвестие бури в романе и намёк на то, что спастись герои смогут, покаившись в своих грехах.

Вместе с тем, реминисценция думы «Олексий Попович» становится основой описываемого эпизода и средством оценки персонажа и времени. Автор вкладывает в уста героев практически дословные цитаты из варианта думы, опубликованного Костомаровым, и лишь иногда добавляет какие-то элементы, которых нет ни в одном из известных вариантов. К таким элементам можно отнести:

- 1) образ гетмана (Грицько Коломієнко / Коломійченко / Грицько Полуусенко / Зборовскій Григорій / Грицько Коломыйченко в думе и Сагайдачный в романе);
- 2) время действия (ночь или ранее утро в думе и день в романе);
- 3) готовность многих казаков покаяться в грехах ради спасения войска;
- 4) отношение Сагайдачного к событиям;
- 5) чтение Олексием святого письма по окончании бури. Можно предположить, что Мордовцев сознательно отходит от текстов думы, приближая описываемые события к реальности.

Кроме того, этот эпизод получает дальнейшее развитие в практически параллельном эпизоде – возвращении казаков на Сечь, конфликта Поповича с войском и его казни. При одинаковых грехах, совершённых героем при отъезде из родного Пирятина и на Сечи, последние оказываются серьезнее, и за них следует настоящее наказание – смертная казнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвин Э. С. Валерий Брюсов / Э. С. Литвин // История русской литературы в 4-х т. / Под ред. Н. И. Пруцкова. – Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917) / Редактор тома К. Д. Муратова. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1983. – С. 480–520.
2. Франко І. Я. Д. Л. Мордовець. Оповідання/ І. Я. Франко // Франко І. Я. Додаткові томи до Зібрання творів у 50 т. – К. : Наукова думка, 2008. – Т. 53. – С. 183–190.
3. Єфремов С. О. Історія українського письменства / С. О. Єфремов. – К. : Femina, 1995. – 538 с.
4. Замотин И. И. Тенденциозная беллетристика 60-70-х годов / И. И. Замотин // История русской литературы XIX века: В 5 т. / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского; При ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Саккулина. – Т. 4. – М. : Изд. Т-ва «Мир», 1910. – С. 129–159.
5. Быков П. В. Д. Л. Мордовцев. Критико-биографический очерк [Электронный ресурс] / П. В. Быков // Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов Даниила Лукича Мордовцева. – Режим доступа : <http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Lit/M/DMordovec/Studies/Bykov/5.html>
6. Момот В. С. Д. Л. Мордовцев – писатель-демократ: Дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. / Момот Виктор Семёнович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/162938.html>
7. Момот В. С. Даниил Лукич Мордовцев. Очерк жизни и творчества / В. С. Момот. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во. – 1978. – 128 с.
8. Беляев В. Г. Данило Мордовец (Д. Л. Мордовцев) / В. Г. Беляев // Мордовец Д. Л. Сагайдачний. Роман. Крымская неволя. Повесть. – К. : Днипро, 1987. – С. 3–30.
9. Панов С. И. Д. Л. Мордовцев и его историческая проза / С. И. Панов, А. М. Ранчин // Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. – М. : Правда, 1990. – С. 5–30.
10. Лебедев Ю. В. Даниил Лукич Мордовцев / Ю. В. Лебедев // Мордовцев Д. Л. Сочинения: в 2 т. – М. : Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 5–44.
11. Сенчуров Ю. Н. Исторические видения Даниила Мордовцева [Электронный ресурс] / Ю. Н. Сенчуров. – Режим доступа : http://az.lib.ru/m/mordowcew_d_l/text_0020.shtml
12. Ильинская Н. Г. Мордовцев Д. Л. / Н. Г. Ильинская // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь: В 5 т. – Т. 4: М – П // Гл. ред. П. А. Николаев. – М. : Большая Российская энциклопедия. – 1999. – С. 126–130.
13. Беляев В. Г. Мордовцев Д. Л. / В. Г. Беляев // Краткая литературная энциклопедия : В 9 т. : Т. 4: Лакшин – Мураново / Гл. ред. А. А. Сурков [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp>
14. Пустовіт В. Ю. Національно-культурний компонент у структурі художнього тексту (на матеріалі роману Д. Л. Мордовця «Сагайдачний»): Автореф. дисс. к. філол. н. : 10.01.01. «Українська література» / В. Ю. Пустовіт. – Запорізький державний університет. – Запоріжжя, 2001. – 20 с.
15. Устинов А. В. Роман Д. Л. Мордовцева «Великий раскол» в контексте русского исторического романа XIX века: Автореф. дисс. к. филол. н.: 10.01.01. «Русская литература» / А. В. Устинов. – Ивановский государственный университет. – Иваново, 2015. – 22 с.

16. Мещерякова Л. А. Исторические романы Д. Л. Мордовцева (проблемно-тематический и художественный аспект): Автореф. дисс. к. филол. н.: 10.01.01. «Русская литература» / Л. А. Мещерякова. – Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 1995. – 17 с.
17. Бойко Н. Т. Українська історична проза другої половини ХІХ ст. (історичні джерела та художній дискурс): Автореф. дисс. к. філол. н.: 10.01.01. «Українська література» / Н. Т. Бойко. – Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. – К., 2002. – 21 с.
18. Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: Автореф. дисс. д. филол. н.: 10.01.01. «Русская литература» / А. Ю. Сорочан. – Тверской государственный университет. – Тверь, 2008. – 37 с.
19. Шерман О. М. Художня інтерпретація російського історичного роману другої половини ХІХ століття і проблеми розвитку жанру: Автореф. дисс. к. філол. н.: 10.01.02. «Російська література» / О. М. Шерман. – Одеський державний університет ім. І. І. Мечнікова. – Одеса, 1999. – 18 с.
20. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро: Пер. с фр. / Общ.ред. и вступ. ст. Г. К. Косиков. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
21. Золотухина Е. Н. Интертекстуальность в современном русском языке / Е. Н. Золотухина // Русский язык в школе. Научно-методический журнал. – М. : ООО «Наш язык», 2008. – № 5. – С. 44–46.
22. Грушевська К. М. Українські народні думи. Т. 1. / К. М. Грушевська – К. : Державне видавництво України, 1927. – ССХХ, 126 с.
23. Грушевська К. М. Українські народні думи: в 2 т. – Т. 2. / К. М. Грушевська – Х., К. : Державне видавництво «Пролетар», 1931. – ХХХ, 304 с.
24. Костомаров Н. И. Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества / Н. И. Костомаров// Собрание сочинений Н. И. Костомарова Историческія монографіи и изслѣдованія: в 8 кн. – Кн. 8. – Т. 21. – СПб. : Типографія М. М. Стасюлевича, 1906. – С. 693–1081.
25. Грица С. Й. Парадигматичний аналіз думи «Про Олексія Поповича» / С. Й. Грица // Студії мистецтвознавчі. – 2009. – № 2. – С. 112–118.
26. Мордовец Д. Л. Сагайдачный. Роман. Крымская неволя. Повесть / Д. Л. Мордовец. – К. : Днипро, 1987. – 286 с.

REFERENCES

1. Litvin E. S. (1983) Valeriy Bryusov // *Istoriya russkoy literatury v 4-kh t.* [The history of Russian literature in 4 vol.], / Pod red. N.I. Prutskova. – Т. 4. *Literatura kontsa XIX – nachala XX veka (1881-1917)* [Literature of the late XIX – early XX century (1881–1917)], / Redaktor toma K.D. Muratova, Lviv, Ukraine. – pp. 480–520.
2. Franko I. Ja. (2008) *D.L. Mordovcev. Opovidannya* [D.L. Mordovtsev. Story], // Franko I. Ya. *Dodatkovy tomy do zibrannya tvoriv u 50 t.* [Additional volume to the Works in 50 vol.] – Т.53. [Vol. 53], Kiev, Ukraine. – pp. 183–200.
3. Efremov S. O. (1995) *Istoria ukrayinskogo pysmenstva* [The history of Ukrainian literature], Kiev, Ukraine. – 538 p.
4. Zamotin I. I. (1910) *Tendentsionnaya beletristika 60-70-kh godov* [Tendentious fiction 60-70s], // *Istoriya russkoy literatury XIX veka: V 5 t.* [The history of Russian literature of the XIX century: in 5 vol.], / Pod red. D. N. Ovsyaniko-Kulikovskogo; Pri blizhayshem uchastii A. Ye. Gruzinskogo i P. N. Sakkulina. – Т. 4. [Vol. 4], Moskow, Russia. – pp. 129–159.

5. Bykov P. V. (undated) *Mordovcev. Kritiko-biograficheskij ocherk* [Mordovcev. Critical-biographical essay] // *Polnoe sobranie istoricheskikh romanov, povestej i rasskazov Daniila Lukicha Mordovceva* [The complete collection of historical novels, novellas and short stories of Daniil Mordovtsev], available at: <http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Lit/M/DMordovec/Studies/Bykov/5.html> (access November 3, 2016)
6. Momot V. S. (1984) "D.L. Mordovtsev – writer-democrat", Thesis abstract for Cand. Sc. (Russian literature), 10.01.01, Moskow, Russia, available at: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/162938.html> (access November 10, 2016)
7. Momot V. S. (1978) *Daniil Lukich Mordovcev. Ocherk zhizni i tvorcestva* [Daniil Lukich Mordovtsev. Essay on the life and work], Rostov-na-Donu, Russia. – 128 p.
8. Beljaev V. G. (1987) *Danilo Mordovec (D. L. Mordovcev) // Mordovec D.L. (1987) Sagajdachnyj. Roman. Krymskaja nevolja. Povest'* [Sahaidachny. Novel. Crimean captivity. Story], Kiev, Ukraine. –pp. 3–30.
9. Panov S. I. (1990) *D. L. Mordovtsev i yego istoricheskaya proza* [D.L. Mordovtsev and its historical prose] // *Mordovcev D. L. Zachigrechi? Velikiy raskol* [For whose sins? Great schism], Moskow, Russia. – pp. 5–30.
10. Lebedev Ju. V. (1991) *Daniil Lukich Mordovcev // Mordovcev D.L. Sochineniya: v 2 t. – T. 1.* [Works in 2 vol. – Vol. 1.], Moskow, Russia. – pp. 5–44.
11. Senchurov Ju. N. (1990) *Istoricheskiye videniya Daniila Mordovceva* [Historic vision Daniil Mordovtsev's], available at: http://az.lib.ru/m/mordowcew_d_1/text_0020.shtml (access November 25, 2016)
12. Il'inskaja N. G. (1999) *Mordovcev D.L. // Russkie pisateli. 1800-1917: Biograf. slovar': V 5 t. – T. 4: M – P* [Russian writers. 1800-1917: A Biography. Dictionary: in 5 vol. – Vol. 4: M – P] // Gl. red. P.A. Nikolaev, Moskow, Russia. – pp. 126–130.
13. Beljaev V. G. Mordovcev D.L. [Mordovtsev D.L.] // *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija: V 9 t.: T. 4: Lakshin – Muranovo* [Brief Literary Encyclopedia: in 9 vol.: Vol. 4: Lakshin – Muranovo] / Gl. red. A. A. Surkov, available at: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (access December 5, 2016)
14. Pustovit V. Yu. (2001) "National-cultural component at the structure of the fiction book (after the novel "Sagajdachny" by D. Mordovtseva)", Thesis abstract for Cand. Sc. (Ukrainian literature), 10.01.01, Zaporizhian State University, Zaporizhya, Ukraine.
15. Ustinov A. V. (2015) "The novel of D.L. Mordovtsev "Great Schism" in the context of the Russian historical novel of the nineteenth century", Thesis abstract for Cand. Sc. (Russian literature), 10.01.01, Kostroma State University Nekrasov, Kostroma, Russia.
16. Meshherjakova L. A. (1995) "Historical "D.L. Mordovtsev's novels (topical and artistic aspect)", Thesis abstract for Cand. Sc. (Russian literature), 10.01.01, Samara State Pedagogical University, Samara, Russia.
17. Bojko N. T. (2002) "Ukrainian historical prose of the late XIX century. (historical sources and artistic discourse)", Thesis abstract for Cand. Sc. (Ukrainian literature), 10.01.01, Institute of Literature Taras Shevchenko NAS of Ukraine, Kiev, Ukraine.
18. Sorochan A. Ju. (2008) "Forms of representation in the history of Russian prose of the XIX century", Thesis abstract for Cand. Sc. (Russian literature), 10.01.01, Tver State University, Tver, Russia.
19. Sherman O. M. (1999) "Artistic interpretation of a historical novel of the late XIX century and problems of genre", Thesis abstract for Cand. Sc. (Russian literature), 10.01.02, Odessa National University Mechnikov, Odesa, Ukraine.
20. P'ege-Gro N. (2008) *Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti* [Introduction to the theory of intertextuality], Moskow, Russia. – 240 p.
21. Zolotuhina E. N. (2008) "Intertextuality in modern Russian", *Russkij jazyk v shkole. Nauchno-metodicheskij zhurnal*, no. 5. – pp. 44–46.
22. Grushevs'ka K.M. (1927) *Ukrains'ki narodni dumi* [Ukrainian folk dumas]: in 2 vol. – Vol. 1, Kiev, Ukraine. – CCXX, 126 p.
23. Grushevs'ka K. M. (1931) *Ukrains'ki narodni dumi* [Ukrainian folk dumas]: in 2 vol. – Vol. 2, Kharkiv, Kiev, Ukraine. – XXX, 304 p.
24. Kostomarov N. I. (1906) *Istorija kazachestva v pamjatnikah juzhnorusskogo narodnogo pesennogo tvorcestva* [History of the Cossacks in the monuments of the southern Russian folk song creation]: in 8 part. – Part 8. – Vol. 21, Saint-Petersburg, Russia. – pp. 693–1081.
25. Grica S. J. (2009) "Paradigmatic analysis Duma On Olexiy Popovich", *Studii mistectvoznavchi*, no. 2. – pp. 112–118.
26. Mordovec D. L. (1987) *Sagajdachnyj. Roman. Krymskaja nevolja. Povest'* [Sahaidachny. Novel. Crimean captivity. Story], Kiev, Ukraine. – 286 p.